

PIOTR Czerwiński

Uniwersytet Śląski

ORCID 0000-0001-6575-5736

MACIEJ WALCZAK

Uniwersytet Śląski

ORCID 0000-0001-6313-5672

Пища, еда и продукты питания у Шолома Алейхема и Федора Решетникова (*Касриловка* vs *Подлиповцы*)

Pokarm, jedzenie i produkty żywnościowe u Szoloma Alejchema i Fiodora Resztenikowa
(*Kasrylewka* vs *Podlipniacy*)

Streszczenie: Na materiale wybranych opowiadań Szoloma Alejchema z cyklu *Kasrylewka* oraz noweli *Podlipniacy* Fiodora Resztenikowa przeanalizowano specyfikę i funkcje pożywienia/pokarmu oraz samego procesu jego przyjmowania w dwoi różnych grupach etnicznych — żydów i permiaków. Przeprowadzona analiza wykazała wieloaspektowość pokarmu i jedzenia (*chodzi o czynność*), polegającą nie tylko na jej czysto fizjologicznej funkcji zaspokojenia głodu i dostarczenia energii, lecz także socjalnej i psychologicznej. Te ostatnie są bowiem wskaźnikiem relacji międzyludzkich (wspólny posiłek, umiejętność/nieumiejętność/niechęć do dzielenia się nim), wewnętrznych stanów emocjonalnych i przeżyć, nierzadko w kulturowo-religijnym uwarunkowaniu. Znamienne w związku z tym wydaje się jedzenie, zwłaszcza chleb, w sensytywnej funkcji źródła przyjemności zarówno fizycznej, odczuwanej poprzez różne zmysły (smak, zapach, wzrok), jak i duchowej.

Słowa kluczowe: pokarm, jedzenie, produkty żywnościowe, obraz literacki, wspólnota żydowska, burlacy, Imperium Rosyjskie

The food, eating and foodstuffs in stories by Sholem Aleichem and F.M. Reshetnikov
(*Kasrilovka* vs *Podlipovtsy*)

Summary: The selected stories by Sholem Aleichem in the series *Kasrilovka* and a short story by F.M. Reshetnikov *Podlipovtsy* have been the ground for the analysing the specificity and functions of food sustenance and the process of consuming in two different ethnic groups — the Jews and the Permyaks. This analysis shows the multi-faceted scope of food and (the act of) eating which is not only its purely physiological function of satiating appetite and supplying energy but also the social and psychological aspects which present the interpersonal relations (a shared meal, ability/disability/aversion to share the meal), the inner emotions and experiences, often in the cultural and religious determinant. Thus, it seems typical that the food and the bread itself have got the sensitive function as the source of the pleasure both of physical and spiritual character. The physical pleasure is felt via various senses (the taste, smell and sight).

Keywords: food, (the act of) eating, foodstuffs, literary picture, Jewish community, burlaks, Russian Empire

[...] слушаешь не наслушаешься на пустой же-
лудок божественных песнопений о священной
рыбе Левиафане, о быке-великане и о других вку-
снейших яствах, которые сам великий бог Саваоф
приготовил для людышек в раю, где текут молоч-
ные реки и где в закупоренных бутылках ждет нас
не дождется старое, выдержанное вино. Да что
толковать! Другие народы с нашим и не сравнить!
Вкусней европейской кухни нет ничего! Одна беда
— жалко, что пятидесятница бывает всего лишь
раз в году!

Шолом Алейхем: *Молочная пища*¹

Прежде чем приступить к основному предмету задуманного сопоставительного исследования, видится необходимым отметить ряд предварительных положений. Предлагаемая нами статья является первой из цикла себе подобных, цель и смысл которых сводятся к представлению российской действительности, во многом уже отдаленного, прошлого. И это век XIX, вторая его половина, а также конец, с переходом к началу XX, как последующего, но мало что изменившего в том положении, о котором речь. Положение это касается условий жизни и быта, жизненно-бытовых (главным образом) обстоятельств так называемых, если пользоваться языком современности, национальных меньшинств, или, на языке того времени, ино-родцев и иноверцев. Иными словами, не русских и не православных, не вполне православных, православных только по виду и форме (говоря о подлиповцах), а если быть точным, то в изображении, их собственном, для заявляющихся время от времени к ним властей.

Показываться данное положение будет на материале свидетельских, не побоимся этого слова, показаний двух хорошо известных в России писателей, хотя для нас они будут, скорее, этнографами и антропологами, ибо взятый в качестве рассмотрения художественный текст послужит объектом не литературоведческих, а ментально-концептологических и культурно-исторических экстраполяций. Поскольку наше исследование не литературоведческое и не историко-литературное мы не видели необходимости знакомить с тем, кто такие выбранные нами авторы, чем известны и что написали. Достаточным было бы упомянуть, что Шолом Алейхем, или Шолом Нохем Вевикс (Шолом Нохумович) Рабинович (1859–1916), писал на языке идиш (начинал на иврите). Цикл

¹ Шолом Алейхем, *Молочная пища*, <https://www.rulit.me/books/molochnaya-pishcha-read-153112-2.html> [10.08.2019].

рассказов *Касриловка* из жизни евреев украинских местечек был им написан в 1902 и последующих годах. Автор прекрасно знал ту среду, которую он с тонким юмором и иронией, но при этом сочувственно и прочночувственно, так ярко и всесторонне описывал. Федор Михайлович Решетников (1841 –1871), назвавший свою повесть *Подлиповцы* (1863) этнографическим очерком и посвятивший ее Николаю Некрасову, так ему ее представлял:

Таких людей, как подлиповцы, в настоящее время очень много не только в Чердинском уезде Пермской губернии, местности самой глухой и дикой, но и в смежных с нею — Вятской, Вологодской и Архангельской. Зная хорошо жизнь этих бедняков, потому что я двадцать лет провел на берегу Камы... я задумал написать бурлацкую жизнь с целью хоть сколько-нибудь помочь этим бедным труженикам².

Временной разрыв в полстолетия, рассказов Шолома Алейхема (1902 и посл.) и повести Решетникова (1863), для задачи, поставленной нами, значения не имеет, тем более, что на протяжении их отделяющего полувека условия жизни в Российской империи для жителей ее окраин ни в какую особую, а тем более лучшую, сторону не изменились.

Задуманный нами на этой основе цикл статей, не ставя перед собой задачи неактуального, впрочем, теперь уже обличения, предполагает, скорее, объективистскую, скажем так, направленность, поддерживаемую традицией натуральной школы критического реализма (в отношении Федора Решетникова) и реализма не столько критического, сколько... Трудно подобрать необходимое слово в отношении реализма Шолома Алейхема, поскольку отчасти также критического, но, скорее, реализма сопереживающего и реализма сочувствующего, с отмеченным взглядом повествователя изнутри. Не только взглядом, но и позицией, нахождением там. Не будем входить в уточнение данного положения, поскольку, как уже говорилось, не литературоведческой виделась наша задача, отмечая поэтому все это не как научное, а как ориентирующее определение.

Задуманный цикл статей (повторяя сказанное) предполагает в своей последовательности отображение по отобранным тематическим кругам. Таковыми будут еда и питание, первого круга, здесь предлагаемого; семейно-родственные отношения в среде касриловцев и подлиповцев, а также их отношения с окружением, в том числе не своим; объекты, виды

² Переписка Н.А. Некрасова. В двух томах, Художественная литература, Москва 1987, т. 2, с. 79.

и формы пространства их проживания; болезни и смерти тех и других и, может быть, что-то попутно еще, для последующих кругов отражения.

Контрапунктом всего, в себя вбирающим и подытоживающим, будет обобщающе-философская, по своему характеру и в своей основе, мысль о том, чем является жизнь и какой она предстает в Российской империи не для центров ее, культурных, общественных, административных, национальных, а для окраин. На юго-западе, с одной стороны, и на северо-востоке, с другой. Не для представителей великорусской национальности, о чем писалось и говорилось не раз, но для других, евреев в первом случае и пермяков во втором. В изображении (приходится повторить) двух хорошо осведомленных об этой жизни свидетелей, прочувствовавших и, отчасти, переживших ее, сумевших со знанием дела, последовательно, объективно, до мельчайших деталей и при этом сочувственно эту жизнь, со всеми ее особенностями и впечатлениями от нее, передать.

Как бы кто побывал после этого, после прочтения этих текстов (прибегая к метафоризации и не случайной образности), на том свете³. Или, если точнее, *в том свете*. Вроде бы и ограниченном в пространстве и времени (перед этим указанных), но, как покажется, если задуматься, погрузившись в материю положений и обстоятельств, не говоря уже об ощущениях, переживаниях, чувствах и представлениях помещенного в них человека, то и не совсем. В пространстве и времени Российской империи. Может, не только Российской, но, обобщая, Империи как таковой. С ее пренебрежением к человеку, в том

³ К месту в данном случае вспомнить ремизовские *Крестовые сестры*, о том, как «Акумовна на том свете была, на том свете ходила она по мукам. Там, на том свете ей все показывали, только не знает она, кто, который человек водил ее. — Пришла я, — так рассказывала Акумовна свое хождение по мукам, — в какую-то постройку, в хоромину: выбранный пол гнилой, мостовины провалились, земля — мусор, и лежит на полу рыба протухлая, гадкая, разная, мясо, черепы, нехорошее все, худое лежит, и люди умершие — одни кости лежат, члены человечьи, и животные умершие лежат, все гнило, все гадость. Водили ее по хоромине, все ей показывали! А хоромина длинная — конца не видно и широкая, а тесно. Впереди люди, много людей, и позади люди, тоже много, и кругом везде идут и стоят. А какие-то все по углам и не люди, — это она понимает, — их тоже много. — Мучилась я, молитву читаю, а они не отвечают, — хвост и ноги коровы, когти собачьи. ‘Выпусти меня!’ — взмолилась я. Один и говорит: ‘Нет еще, пусть она посмотрит’. А другой за ним: ‘Надо обождать, пускай видят все’. И повели меня. И водили ее по хоромине, все ей показывали. Нехорошее все, гнилое лежит, одна падаль, все гнило, все гадость и умершие люди и умершие животные, кости, черепы, мусор» и т.д. по тексту А.М. Ремизов. *Собрание сочинений в десяти томах*, Русская книга, Москва 2000–2003, т. 4, с. 122). Прямо и непосредственно, может быть, не действительность, показанная как таковая и бытие в ней такой, но ощущения от нее, обнаженно, наглядно, явственно, без прикрас, как итог, в заключение и обобщение.

числе, если не в первую очередь, человеку окраин, в национально-конфессиональном, а также пространственном отношении⁴. К тому и тем, кто ее населяет, питая (без преувеличения) ее собой, с предоставлением его самому себе — живи как знаешь, живи как можешь, но все положенное (и не положенное), будь добр, отдавай и плати. Не на общее благо, а так себе, неизвестно на что, на ветер в карманах власть предержащих.

Еда и питание (касаясь первого круга сопоставления задуманного цикла статей), в художественном их отображении, были предметом исследования не только с позиций литературоведения, что было бы неудивительно, но и таких дисциплин, как лингвокультурология и языкознание. Ирина Кошелева, подходя к затронутому вопросу с точки зрения культурологии, отмечала, в частности, что связь национальной кухни с культурной идентичностью прослеживается во всех этнических принадлежностях, ибо пища всегда занимала важное место в ритуалах, обычаях и традициях⁵. Кодирование еды, по словам исследовательницы, как культурного феномена, — явление весьма частотное, как в литературе, так и в искусстве, поскольку блюда и кушанья исполняют роль индикатора отношений между персонажами, показателя их социального статуса, передавая вместе с тем их национально-культурную отнесенность.

К подобным выводам приходит Надежда Марушкина, отмечая, что процесс приготовления и приема пищи является частью бытовой сферы человеческой деятельности и, несомненно, отражается в художественном тексте, который наряду с языковыми средствами (фразеологическими единицами, пословицами и поговорками⁶) может служить выразителем ведущих культурных концептов, в том числе и концепта *еда*⁷.

⁴ Ср. проницательные и четко отмеченные в указанном противоположении российского центра столиц окраинам у М.Е. Салтыкова-Щедрина, в первую очередь в его *Письмах о провинции*, но не только, еда ли не во всем его творчестве второй половины интересующего нас XIX столетия. И опять же не только, если смотреть на все это шире, в мировоззренческом, историко-философском и обобщающем отражении.

⁵ И.Н. Кошелева, *Мотив национальной еды в романе Джумпры Лахири «Тезка» (культурологический аспект)*, «Всероссийский журнал научных публикаций» 2012, № 2 (12), с. 76–79.

⁶ Собственно лингвистические наблюдения по данному вопросу представлены в статье: И.Е. Коズлова, И.Н. Гребенкина, Универсальные и уникальные стереотипы французской и русской культуры (на материале русских и французских фразеологизмов с гастрономическими терминами), «Вестник ТГПУ» 2013, № 10 (138), с. 9–16.

⁷ Н.С. Марушкина, *Отражение русской национальной традиции питания в диалогии Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах»*, «Современные исследования социальных проблем» (электронный научный журнал) 2013, № 3 (23), с. 29.

Вопрос мотива и образа еды в художественной литературе затрагивали также Ирина Маслий⁸, Константин Когут⁹, Юстина Грыко¹⁰, Андрей Павлов¹¹, Екатерина Деготь¹², Галина Гуменая¹³ и др.

Однако мы подходим к еде в ее отражении в отобранных текстах с иной стороны. Не как к концепту и выразителю национально-культурной идентичности, а как к тому, что содержит в себе отношение через нее к человеку, через его, добавляя, отношение к ней. В мире его окружающих и взаимодействующих с ним, впоследствии также других, предметов, лиц, условий и обстоятельств.

То, что собой представляет еда, чем является, из чего она складывается и состоит, какое место и роль занимает в жизни одних и других, касриловцев и подлиповцев, в изображении Шолома Алейхема и Федора Решетникова, — все это будет служить задаче определения внутреннего человеческого, в нем самом, бытия. Того бытия, которое для него, бытия, не всегда им ясно (поскольку внутреннее) осознаваемого, но через внешние признаки выражаемого. И это было бы, при таком повороте, то, что является видом и способом экзистенционального манифестирующего проявления человека, а, тем самым, знаком его самого. Пища, еда и питание как культурный и исторический код положения человека в действительности его окружения и проживания, и поэтому способ и средство его понимания, постижения, видения его самого, того, чем он есть, каковым он в нем, в этом коде, точнее через него, представляется и предстает.

Указанный взгляд и подход, что следует подчеркнуть, будет общим для всех задуманных нами статей предлагаемого цикла, и это станет не только концептуально, методологически, но и, что самое важное, в идейно-итоговом обобщающем смысле их объединять. Вследствие проведенного, с тематическим различием, рассмотрения позволит это представить картину двух не просто разных, но противополагаемых, поляри-

⁸ И.А. Маслий, *Образы еды в романе Г.Ф. Квитки-Основьяненко «Пан Халевский»*, «Наукові записи Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди» 2012, вып. 1 (1), сер. *Літературознавство*, с. 116–123.

⁹ К.К. Когут, *Мотив еды в пьесе А.П. Платонова «Волшебное существо»*, «Филологический класс» 2013, № 1, с. 111–115.

¹⁰ Ю.Грыко, *Несколько замечаний о семантике еды в русской литературе*, «*Studia Wschodniosłowiańskie*» 2012, т. 12, с. 329–339.

¹¹ А.М. Павлов, *Образы еды и питья в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»*, «Критика и семиотика» 2006, вып. 9, с. 78–91.

¹² Е. Деготь, *Еда и питье в русской литературе*, «Коммерсантъ», 04.04.1996, № 56, с. 13.

¹³ Г.Л. Гуменая, *Мотив пира в поэме Д. Самойлова «Юлий кломпус»*, «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского» 2011, № 6 (2), с. 154–157.

зумемых, положений российской окраинной жизни. Не только в пространственно-географическом, что объяснимо и несомненно, но и, главным образом, в экзистенционально-ментальном и психологическом проявлении. Окраинной также в этническом и иноверческом смысле, представителей не основной, поскольку не великорусской, ментальной культуры и психологии. Хотя, если задуматься обстоятельно и социофилософски, в имперских условиях многое для окраинности, понимаемой как забытость, брошенность, предоставленность бесправного бытия произволу не только судьбы, мало чем, если вообще чем-нибудь, отличается от того, что можно увидеть и прочитать у Шолома Алейхема и Решетникова, и для великороссов, если они не отмечены привилегиями и с этим особым имущественным положением, не таким, как у всех, беря и не боясь во внимание, в том числе, и столицы.

Из чего получалось бы, что названная перед этим окраинность, как отправная точка и вместе с тем точка, вбирающая все остальное в себя, — это не географическая, не этническая, не конфессиональная и не другая какая-то в том же ряду особенность или черта. Особенность и черта эта позиционная, историософская и философская, как черта широко понимаемой оседлости, через которую не переступить. Оседлости как способа разделенного и отделенного существования, одних от других, худших от лучших, наиболее ярким примером, но не исключением, чего в Российской империи были евреи и инородцы. И что в условиях также и современных продолжает себя проявлять. Во многом об этом далее, по крайней мере в обобщающем смысле, и поведется речь, начиная с вопросов пищи, еды и продуктов питания.

Для предлагаемого сопоставительного анализа были выбраны некоторые рассказы Шолома Алейхема из его знаменитого цикла *Касриловка*¹⁴ (*Молочная пища*, *Родительские радости*, *Не сглазить бы!*, *Не стало покойников*, *Человек родился*, *Из-за редьки*¹⁵) и повесть *Подлиповцы* Федора Решетникова¹⁶. Обоснованием такого выбора было, в первую очередь, желание сопоставить повседневный быт с опорой на еду и питание представителей двух совершенно разных этнических групп — евреев (*Касриловка*) и пермяков (*Подлиповцы*) в условиях мрачной Российской империи. При этом хотелось также увидеть не совпадающие функции и особенности, которые полу-

¹⁴ Шолом Алейхем, *Касриловка*, Текст, Москва 2008.

¹⁵ Этот последний не входит в указанный цикл.

¹⁶ Ф.М. Решетников, *Подлиповцы. Этнографический очерк*, Наследие. Диалог-Сибирь, Омск 2002.

чает пища, еда и процессы ее принятия не только в составе выбранных текстов, но и как отражение двух контрастирующих во многом экзистенциональных позиций. В этой связи мы постараемся охарактеризовать явления в области еды и питания как обусловленные культурно-религиозной (для евреев) спецификой¹⁷, так и общие, определяющие тех и других, а тем самым, не обусловленные привычками и обычаями. В поле зрения также окажутся социально, эмоционально и психологически отмеченные особенности пищи, в частности хлеба, нередко, а может, и всякий раз, если не прямо противоположные, то не совпадающие. Затрагивая этот вопрос, стоит вспомнить, что в литературе предмета широко понимаемая кулинария рассматривается нередко как носитель ситуативного и психологического реализма, значимый показатель достоверности изображаемого, предоставляя возможность читателю убедиться в том, что действительность повествования близка его миру¹⁸.

Применительно к текстам Шолома Алейхема необходимо сказать о естественной для евреев заинтересованности всем тем, что связывается с питанием и едой. Особо заметно это на примере рассказов *Молочная пища* и *Не сглазить бы!*, в которых все это в центре повествования. Объясняется это еврейской традицией и культурой, с ее обрядовостью и религией. Праздники и не только праздники, но и обычная повседневность, с ее молитвами и обязательным чтением Торы, в которой из 613 заповедей около пятидесяти (8 процентов) приходится на регламентации в отношении еды, должны непременно заканчиваться общей, либо семейной, либо общинной, а потом и неизменно семейной, трапезой, называемой также молитвой уст. Ибо еда есть молитва, обращение к Всевышнему, ее даровавшему, благословение и благодарность Ему. Рабби Лайонел Блу такими словами определил место пищи в цикле еврейской жизни:

[...] перемены богослужебного года отмечены для еврея запахом и вкусом, ароматом кухни. Через основные свои чувства он воспринимает меняющиеся веяния духа. ... Какие бы он молитвы ни забыл, гастрономический цикл остается на своем месте¹⁹.

Не случайно поэтому мотив еды и питания в сюжете обсуждаемых рассказов занимает столь важное место, представляясь вполне понятным и объяснимым.

¹⁷ В отношении подлиповцев в изображении Решетникова не вполне правомерно о какой-то культурной традиции было бы говорить.

¹⁸ См. для примера: A. Kuchta, *Nie tylko magdalenki. Kilka obrazów kulinarnej groteski w literaturze współczesnej* // M. Błaszkowska, K. Kleczkowska и др. (ред.), *Kultura jedzenia, jedzenie w kulturze*, AT Wydawnictwo, Kraków 2014, s. 176.

¹⁹ Н. де Ланж, *Иудаизм. Древнейшая мировая религия*, перевод Г. Яковлева, Эксмо, Москва 2012, с. 151.

У жителей изображаемых Шоломом Алейхемом деревень, или mestечек, в связи с этим, еда отнюдь не только и даже не столько средство утоления физиологической потребности организма и голода. Еда, а точнее процесс принятия пищи, в семейном, главным, если не единственным, образом, кругу, по случаю праздников, таких, как Пурим, Шабат, Шавуот, — это источник радости и удовольствия, как физического, извлекаемого (прибегая к научным определениям) через органолептическое ощущение потребляемых блюд, их вкус и запах, а также сам внешний вид²⁰, так и эмоционально-душевного, достигаемого наблюдением за едящими за общим семейным столом и, что существенно важно, детьми.

Можно было бы к этому также добавить, с опорой на отношение к еде в иудаизме, что и переживания духовного, трансцендентального. Но мы в рассказах Шолома Алейхема этого не найдем, его персонажи — люди, живущие повседневной, тяжелой и нищенской жизнью, связанной с тем, чтобы как-то прожить, добыв пропитание, в том числе и для праздника.

И так это наблюдение выглядит у Шолома Алейхема:

И все же приятно, знаете ли, видеть, как мои орудуют за столом! Люблю наблюдать за их едой, прямо душа радуется. Особенно в пятницу, когда из печи выезжают ароматные халы и я собираю всю свою ватагу и говорю: «Ребята, выручай!» Любо поглядеть, до чего они здорово выручают. А сколько радости, если бог даст к свеженькой хале еще и горячего жаркого с чесноком да с подливочкой. Пускай подливки много, а мяса кот наплакал, пускай хоть одна подливка без мяса, и то хорошо, макай сколько угодно! (*Молочная пища*)

[...] и какая радость у меня на душе, когда, к примеру, наступает праздник Пурим и все дети со всеми внуками, не слазить бы, собираются к трапезе, усаживаются вокруг стола, и я совершаю молитву над большим и затейливым праздничным калачом, который сдобрен шафраном и весь утыкан изюмом [...]. (*Родительские радости*)

В среде касриловских и мазеповских евреев к еде, как средству, которым питают живущую в человеке душу, относятся с надлежащей тщательностью, строго соблюдая кошерные предписания и правила²¹. Отнюдь не случайно по этой причине о пище, как о питании для души и источнике упомянутых удовольствий, говорят с большим пиететом, эмоциональной

²⁰ Интересные наблюдения по вопросу осознания, обоняния и вкуса в их отражении в художественных текстах можно найти в работе: N. Królikiewicz, *Осознание, обоняние и вкус как эмоциональные и эстетические десигнаты в избранных произведениях Льва Толстого*, «Slavica Wratislaviensia» 2014, nr CLVIII, с. 103–111.

²¹ См. об этом, в частности: H. Haumann, *Historia Żydów w Europie Środkowej i Wschodniej*, przekł. C. Jenne, Adamant, Warszawa 2000, s. 157–158.

предрасположенностью, благоговением, любованием, сердечностью и даже изысканностью, проявлением чего на лексическом уровне выступает использование исключительно положительно заряженных лексем²². Обратимся к цитате:

Прихожу домой, свежий, горяченький, и застаю на столе два медных начищенных красавца подсвечника и две, не сглазить бы, больших халы, а **умница** рыба, не сглазить бы, дает себя знать с запечья на весь дом ..., а утром отправляюсь в синагогу, не сглазить бы, как граф; а дома меня уже дожидается, не сглазить бы, все субботние блюда; **уважаемая** тертая редька с **безгрешным** луком, крошеные яйца с **милейшей** печенкой, **прекрасный** студень с барским чесноком, горячий бульон и кугл [...] [Выделения наши — М.В., П.Ч.] (*Не сглазить бы!*)

Священные тексты, являясь неотъемлемой частью еврейского повседневного быта, наряду с едой и питьем, не случайно воспринимаются как духовная пища, или пища для духа, а их чтение позволяет достичь состояния душевного насыщения, удовлетворения и полноты. Ср. в том же рассказе:

[...] когда выпьешь кружку яблочного кваса, не сглазить бы, и закусишь грушевым цимесом, берешься за псалмы и наворачиваешь, не сглазить бы, с полным аппетитом одну главу за другой; и летят они, не сглазить бы, эти главы, как верстовые столбы на большом тракте, одна за другой, одна за другой [...] (*Не сглазить бы!*)

Появление на столе касриловских евреев определенных блюд, неотъемлемых, обязательных, неизменных, строго предопределется данным религиозным праздником. Подобная не нарушаемая предписанность заставляет евреев прибегать к самым различным способам, с тем чтобы необходимо положенное на стол раздобыть, к самоотдаче и самопожертвованию ради достойного проведения праздника, несмотря на известную ограниченность в средствах, а также и ей вопреки:

И в праздник пятидесятницы я знаю одно: пускай дома ни копейки, пускай весь мир перевернется вверх тормашками — все равно, к столу должен быть подан молочный завтрак и — никаких! Первым долгом — цикорий с молоком. (*Молочная пища*)

Достойно справить субботу — это предел их мечтаний. Всю неделю готовы они трудиться, работать до седьмого пота, ни есть, ни пить, грызть землю, почернеть от забот — только бы справить субботу. И поистине, когда наступает милая святая суббота — пропадай Егупец, пропадай Одесса, пропадай даже Париж! Говорят, — и это, возможно, действительно так, —

²² Здесь необходимо заметить, что этот вывод имеет, хотя не случайный, но опосредованный характер, поскольку языком рассказов Шолома Алейхема является идиш, а русский лишь его перевод.

что с тех пор, как существует город Касриловка, не было там случая, чтобы еврею пришлось, не приведи господь, голодать в субботу. Ибо возможное ли дело, чтобы у еврея на субботнем столе не было рыбы? Если нет у него рыбы, есть у него мясо; а нет у него мяса, есть селедка; а нет у него селедки, есть хала; а нет у него халы, есть хлеб с луком [...]. (*Город маленьких людей*)

Эмоциональное отношение к еде выражается также через обозначение пищевых продуктов с помощью суффиксов эмоциональной оценки (позволяя думать, что также это и в оригинале, хотя сравнение с ним не составляло задачи, в силу того, что наша работа, как было указано, имеет концептуологический смысл): *блинчики, борщок, лучок, маслице, мясцо, налистнички, плотичка, подливочка, сметанка, хлебушко, чесночек, щучка*²³.

Еда в повседневной жизни касриловцев, помимо ее обрядово-религиозной отмеченности, обладает также, по их твердому убеждению, и целебными свойствами, используясь в качестве средства при лечении различных недугов, а те или иные блюда составляют основу питания, обусловленного соответствующим состоянием организма (к примеру, у женщины после родов):

А когда мучает изжога, яблочный квас не такой уж плохой напиток, как по-вашему? А грушевый цимес не такой уж плохой харч? (*Не слазить бы!*)

[...] с тех самых пор, как он тогда простудился на ярмарке [зять рассказчика — М.В., П.Ч.], хворает он и врачуется, его бы надо молоком поить, а — нету! (*Не стало покойников*)

Потом стали толковать о бульоне для роженицы. Одна упрекала другую, что та загодя не приготовила хотя бы курицу. [...] *Пекарша Лейя засучила рукава* и принялась за изготовление сдобы для роженицы. (*Человек родился*)

Еда для касриловцев и подлиповцев (и это их объединяет) нередко становится объектом раздумий, фантазий, мечтаний, чем-то, в их жизни, в силу их бедности, недостижимым, вкус, запах, внешний вид чего можно почувствовать только в воображении, заменив им отсутствие соответствующих ощущений в действительном мире (ср. польск. *głodnemu chleb na myśli* или рус. *голодной куме хлеб на уме; у кого что болит, том о том и говорят*).

В рассказах Шолома Алейхема и повести Решетникова обнаруживает себя, тем самым, явление психологической компенсаторности, замещения того, что вне пределов возможности и досягаемости для человека. Еда, в результате, становится тем, что существует как нечто воображаемо-виртуальное, как продуцированный сознанием субститут, позволяющий однов-

²³ См. предыдущую сноскую.

ременно и разрядить, и смягчить негативное ощущение от невозможности получить желаемое. Постоянные разговоры и толкования о еде стали (О ирония!) причиной того, что одну такую семью в Касриловке стали обзывать обжорами:

Откуда же, спрашивается, взялось оно, это прозвище „обжоры“? Ума не приложу! Может, оно пристало к нам потому, что мы способны без конца говорить о еде. (*Молочная пища*)

В нескончаемых таких разговорах себя обнаруживает отнюдь не болтливость, а особое свойство не поддаваться, не погружаться в отчаянье, обходитьсь словами там, где нет возможности действия, с одновременной способностью многообразить и разнообразить, с умением исхитряться и находить там, где нет, а если не находить, то хотя бы так думать. По известной русской пословице *Голь на выдумки хитра*, с той еврейской особенностью к нищему положению, что эти выдумки могут быть только вербальными. Отсюда перечень нескончаемого, словами оформленного, мучного, главным образом, многообразия (потому как какого еще?) в виде: *пельменей, вареников, ватрушек, оладушек, пирогов, пирожков с начинками, творожников, запеканок, налиствников, галушек, калабушек, клецек, блинов и блинков, а также блинчиков, сырников, плюшек, кашников, ушек и пр.* При этом одновременно перечисляются множественные достоинства молочной пищи (что вполне понятно) перед мясной, которая не предоставляет столь обширных возможностей для кулинарного разнообразия, не говоря уже о ее несравненно большей стоимости в сравнении с молоком:

Нет лучше, нет вкусней, нет свежее и дешевле молочной еды! Правда, она тоже обходится в копеечку, все же с мясом ее не сравнить, причем мясо вам дает всего лишь мясо да кости, а в молоке — и молоко, и творог, и масло, и сметана, и сливки, и простокваша, и сыворотка! А сколько всякой всячины можно соорудить из молочных продуктов! Из мяса вы можете приготовить только бульон, гуляш, кисло-сладкое и жаркое — вот и все. А имея молоко, можно состряпать и молочную кашу, и молочную лапшу, и рис в молоке, и молочные вареники, и молочные калабушки, и молочную вермишель, не говоря уж о самом молоке. Не счесть всего, что можно сделать из творога и масла! (*Молочная пища*)

В цитируемом фрагменте, как можно предполагать, в очередной раз прослеживается упоминавшееся перед тем явление компенсаторности, с успокаивающим и утешающим объяснением и перечислением выгод молочного по сравнению с мясным, при его недоступности для говорящего, с нейтрали-

зацией, сглаживанием ощущения недостатка через предпочтение молочной пищи, в нескрываемом усилии себе и другим доказать ее явное преимущество перед всем, что мясное.

Постоянные размышления и разговоры персонажей *Касриловки* и *Подлиповцев* о еде неизменно приводят к тому, что та становится объектом их сновидений (согласно поговорке *Голодной курице просо снится*). Сновидения эти бывают волшебные, чудесны, восторженны. Попутно отметим, что подобный мотив, еды как чуда, нередко находит свое отражение в художественных текстах²⁴. Приведем в подтверждение такую цитату из повести Решетникова:

Слыши, Сысоико, какой я сон видел... Ходили мы в Перми, дома все иные, огромнеющие — ужасты! Церквей сколь!.. Хлеба так и накладена цепкая гора... Набрали мы много хлеба... Идем-идем, да и очутились в реке, и хлеба нет, — невод тащим... Вытащили — ничего нет; ошо пошли, много достали рыбы... Столь много, что ужасты! (*Подлиповцы*)

И у Шолома Алейхема, еда — как знаковый образ с тоской вспоминаемого прошлого:

Мне приснилась... (Наталья оглянулась, не подслушивает ли кто-нибудь)... мисочка с белой душистой редькой — хорошо просоленной, с лучком и маслицем. Объедение! И так мне захотелось этой редьки, что и сказать не мог... Просто слюнки текут... (*Из-за редьки*)

В приведенном рассказе ничто не мешает редьку с луком и маслом, как объект сновидения, интерпретировать также, если не психоаналитически, что потребовало бы известной символизирующей интерпретации образа, то, во всяком случае, психологически. Редька, натертая, с луком и маслом, типичное блюдо европейской бедности, в которой до брака с Жаком Пфефферкранцем Наталья жила (главная героиня рассказа) и носившая тогда имя Ентл, становится выражением полусознательно испытываемой ею тоски по тем безвозвратно минувшим, утраченным временам, когда она чувствовала ее окружающее семейное и родительское тепло, по всему еврейскому в ее жизни и поэтому своему, дорогому, милому, близкому, насильственно вытесненному из ее теперешней жизни богачом Пфефферкранцем, назвавшимся Жаком (а ее Натальей) и не желавшим иметь ничего общего ни со своим еврейским, ни с ее, уж тем более, прошлым:

²⁴ См. напр. Л.С. Старикова, *Мотив чуда в цикле В. Шаламова «Воскрешение лиственницы»*, «Вестник КемГУ» 2013, № 4 (56), т. 1, с. 180–184.

Сейчас, когда нахлынули воспоминания, Ентал-Наталья не знает, не понимает самой себя: надо ли ей стыдиться той Ентал, какой она была раньше, или той Натальи, какой она стала теперь? Она не знает, что правильно и хорошо: ее прошлое или настоящее? Когда она была умной и когда была глупой — тогда или сейчас? Одно только она знает твердо: *Жак решительно против прежней Ентал*. Все, что она любит, *Жак ненавидит*. (*Из-за редьки*)

В сравнении с кулинарным разнообразием обитателей Касриловки, хотя во многом лишь воображаемым, еда у подлиповцев выглядит крайне убого и скучно. Невообразимая нищета, отсутствие самых элементарных продуктов заставляет их использовать в пищу кору с мякиной²⁵, поскольку даже обычный хлеб для них необыкновенная редкость, не растет он у них, а купить его не на что:

Пробовали и за хлебушком ходить, да все не в толк: только начинает созревать хлеб, — баско! вдруг дожди, заморозки, снег [...]. Поплачешь, погорюешь, да и скосишь травку божью, измелешь и ешь так с горячей водой, либо настоящей мучки смешаешь али коры осиновой, либо липовой наскаблиш [...] (*Подлиповцы*)

Настоящий хлеб едят редкие с месяц в год. Остальное время все едят мякину с корой, и от этого у них является лень к работе, болезнь, и часто все подлиповцы лежат больные, сами не зная, что с ними делается, а только ругаются и плачут... — А что делать-то?.. Хлебушка нет, кору едим [...]. (*Подлиповцы*)

Доведенная до крайности нищета и убожество при недостатке самой простейшей пищи, как можно было по тексту заметить, вызывают у подлиповцев полное отсутствие желания к жизни, к работе, к любой активности, способной вырвать их из этого плачевного, депрессивно-гнетущего состояния апатии и умирания от постоянного недоедания. В этой связи уместным видится следующее соображение Михаила Салтыкова-Щедрина, так писавшего в своих *Письмах о провинции*:

[...] если человек обеспечен, по малой мере, от необходимости исключительно останавливать свое внимание на средствах примириться с же-лудком, он непременно пойдет далее, он прикует свою мысль к другим предметам и перенесет свои требования в высшую сферу. Сегодня он думает только о хлебе материальном; завтра он уже будет думать о хлебе духовном²⁶.

²⁵ Согласно словарю В.И. Даля, мякина — это «полова, пелева, плевелы, избитый цъпомъ хлѣбный колось, от которого отвѣяно зерно». В.И. Даляр, *Толковый словарь живаго великорусскаго языка*, т. II, И – О, Издание книгопродавца-тиографа М.О. Вольфа, Санкт-Петербург – Москва 1881, с. 373. Тем самым, как можно увидеть, повседневную пищу их составляют смешанные с корой остатки от молотьбы без зерна.

²⁶ М.Е. Салтыков (Н. Щедрин), *Письмо шестое* // М.Е. Салтыков (Н. Щедрин), *Собрание сочинений*, Правда, Москва 1951, т. 3, с. 296.

Откуда взяться не то, что духовным стремлениям с обращением к чему-то возвышенному, к изобретению, поиску, если болезненное бессилие и голодная немощь не позволяют не то, чтобы что-либо делать и производить, но обычным образом шевелиться и двигаться? Перед нами практически инвалиды, кое-как доживающие свои последние дни, и даже уже не ходячие трупы.

Несмотря на то, что хлеб появляется у жителей Подлипной крайне редко, стоит ему посвятить пару слов, его смысловой и отнюдь не случайной нагрузке, прослеживающейся на протяжении повести в мечтаниях, разговорах и, что самое важное, хождении «за хлебом» двух главных героев, Пилы и Сысоеки, при их обращении (ради того же хлеба) к бурлачеству. Хлеб выступает и проявляется в повести в следующих отношениях:

1) Прежде всего, как основная и к тому же, что крайне существенно, единственная пища для них, другой они просто не знают (так сказать, *хлеб насущный*).

2) Как значимый символ и показатель богатства, достатка и благосостояния (чего еще можно желать тому, у кого есть хлеб?). Отсюда отсутствие воображения и неизбежная ограниченность мысли.

3) Как опять же единственная побуждающая цель «путешествия», точнее оставления родимых мест, выхода на люди, в свет, с его опасностями и приключениями.

4) Как объект сновидений, фантазий, мечтаний, граничащих часто с навязчивостью и преследующей неотступностью сопровождающих состояний. Один только хлеб в голове, его образ и вкус.

5) Как труднодоступный и поэтому драгоценный предмет, сковыше, которое необходимо беречь, строго отмеривать и экономить.

6) Как добыча, трофей, отмечающий достижение цели, своего рода приз и выигрыш.

7) Как то, что единственное побуждает к работе, с получением денег для приобретения его (*идти за хлебом*).

8) Как средство проявления милосердия к ближнему, поддержка ему в его бедствиях и страданиях.

9) Как основной объект обмена и с этим покупки-продажи, т.е. торговли.

Приведенные смысловые и образные повороты хлебного отображения у Решетникова во многом традиционны и далеко не случайны. По замечанию Асият Шхумишевой, хлеб представляет собой один из ключевых концептов русской

лингвокультуры, занимая центральное место в языковой картине мира, обусловленное его основной ролью в питании народа, вынужденного нередко бороться за свое выживание²⁷. И хотя жителей Подлипной трудно было бы воспринимать как типичных, в строгом смысле этого слова, представителей великорусского этноса (они, как уже отмечалось ранее, пермяки, а потому представители угро-финского племени), обозначенные смыслы и представления о хлебе, как основном и единственном нередко продукте питания, без сомнений и оговорок можно к ним отнести. Ссылаясь в этом вопросе на Леонида Беловинского, знатока бытовой истории прошлого, можно отметить, что хлеб занимал важное место в пище многих народов Российской империи²⁸. Повесть *Подлиповцы* — наглядное тому доказательство. Хлеб также и в разбираемой связи, как замечает Людмила Борисова, — это источник жизни и гарантия счастья²⁹, что в контексте похождений Пилы и Сысоеки за хлебом приобретает особую значимость.

Хлеб, как основная пища в их повседневной жизни (см. пункт 1 приведенного перечня), хлеб *насущный*, занимать начинает важное место в питании не только двух главных героев-подлиповцев, Пилы и Сысоеки, после того, как они становятся бурлаками, но также и этих последних. Хлеб для них и отдельное блюдо, и то, без чего не едят, будь то щи, лук, рыба или огурцы. Хлеб при этом традиционно выступает в соединении с водой (*жить на хлебе и воде*) и солью (*лучше хлеба с солью не придумаешь*). Обратимся к примеру:

Несколько бурлаков кучками сидят или лежат под горой и на горе; сидящие разговаривают, или зевают, или едят хлеб. [...] Сытно наелись подли-

²⁷ А.Р. Шумишкова, *Семантический и концептуальный аспекты исследования лексемы «хлеб»*, «Вестник Адыгейского государственного университета» 2009, № 3, с. 230. По данной проблематике см.: той же: Концептуальный анализ лексемы «хлеб» в языковой картине русского народа (на материале толковых словарей), «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» 2017, № 12, с. 252—257. Некоторые аспекты того же самого можно также найти в таких работах: О.В. Григоренко, *Новые единицы в составе ЛСГ «Хлеб. Мучные изделия» в современном русском языке // Инновационные подходы в современной науке*, Интернаука, Москва 2018, с. 113—118; Н.А. Решке, Концепт «хлеб / bread в языковом сознании представителей русской, английской и американской лингвокультурных общностей», «Общество: философия, история, культура» 2012, № 2, 91—94; Д. Мюллер, *К истории семантического поля «хлебъ» в древнерусском языке*, «Вестник ПСТГУ» 2007, вып. 4 (10), III Филология, с. 50—62. См. также о хлебе как константе русской культуры: Ю.С. Степанов, Константы. *Словарь русской культуры, Языки славянской культуры*, Москва 2004, с. 289. Многое для понимания смысла хлеба, в том числе и у индоевропейских народов, дает также: В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов, *Словарь русской ментальности*, Златоуст, Санкт-Петербург 2014, т. 2, с. 453.

²⁸ Л.В. Беловинский, *Российский историко-бытовой словарь*, ТРИТЕ, Российский Архив, Москва 1999, с. 482—483.

²⁹ Л.В. Борисова, *Концепт пища в культурологическом пространстве русского языка*, «Вестник Чувашского университета» 2013, № 4, с. 224—230.

повцы. Целую ковригу съели. [...] Подлиповцы расположились есть хлеб, посолив его круто солью, до того, что есть вовсе нельзя было. [...] Соленые и сущеные судаки бурлаки разрубливали на несколько частей и большою частию глотали неразмоченные, прикусывая хлебом и свежим луком [...]. Наелись сытно хлеба с водой и легли спать; но никак не могли уснуть. [...] Бурлаки [...] едят хлеб, прихлебывая щей с капустой и дрянной говядиной [...]. (*Подлиповцы*)

Благодаря способности долго храниться, не портясь и не теряя при этом питательных свойств, хлеб у подлиповцев был также продуктом, который они брали с собой, отправляясь в дальние странствия за работой:

У каждого из наших путешественников болтается на спине по котомке с хлебом, по паре или по две пары лаптей [...]. У каждого на спине висит котомка с хлебом, кое у кого с разным тряпьем. Ниже котомки болтаются по паре или по две пары лаптей. Спасибо еще прикащику, который нанял их бурлачить: он не поскупился дать каждому задаток; не дай он денег крестьянам, как бы они пошли в дальний путь без хлеба и лаптей? [...] Насобирая на дорогу хлеба, купив на собранные деньги два мешка и по две пары лаптей, подлиповцы с Матреной и детьми ее отправились бурлачить. (*Подлиповцы*)

Помимо функции основного пищевого продукта хлеб в представлениях подлиповцев получает и символический характер, становясь показателем обеспеченности (см. пункт 2), позволяющей приобретать хлеб и запасаться им в большом количестве, вызывая, тем самым, в его обладателе ощущение благосостояния, достатка и сытости:

[...] Есть же такие богачи, что у них и хлеба-то множество, и всякой всячины пропасть! [...] Теперь жизнь им казалась лучше, их тянуло на улицу: они поняли, что прежде они хворали от коры, теперь едят хлеб, и потому теперь хорошо. Хотя и бывает работа, зато не всегда, а хлеб-то у них всегда есть, даже еще много. (*Подлиповцы*)

Пиле эта мысль хорошую показалась, он захотел и решился во что бы то ни стало уйти с Апроськой и Сысойком бурлачить, сам не зная, что это за дело такое, веря в слово богачество и в надежду иметь всегда много хлебушка [...] — Э, дура, голова! Пойдем! бурлачество — баская штука, богачество получим, а хлебушка эво! ужасты! (*Подлиповцы*)

В тяжелом быту бурлаков именно еда и одежда представляют собой единственное их богатство: «Ведь у бурлаков только и есть богатства, что на нем надето да что он съедает». (*Подлиповцы*).

В итоге, большое количество хлеба и связанное с ним богатство в восприятии подлиповцев оказываются чрезвычайно заманчивыми, ведущей идеей, целью самой в себе, ради до-

стижения которой они готовы покидать родные места, переживая невзгоды на многострадальном в поисках хлеба пути (п. 3):

Сысоико ругался и наконец понял, что в деревне ему тошно жить, согласился идти с Пилой туда, где хлеба много. Только как же без Апроськи? (Подлиповцы)

А также:

[...] не знали, что вся жизнь их была одни лишения, несчастья, горькие слезы; что они не могли оставаться в своей деревне; что им надоела своя родина, и вот они бегут от нужды, идут в мороз куда-то в хорошее место, где будет им лучше, где будет много хлеба, где они будут свободны ... Только жалко им было своих семейств [...]. (Подлиповцы)

При этом, если сравнить подлиповцев с обитателями Касриловки, привыкшими о еде говорить много и страстно, этим первым одного хлеба вполне достаточно для получения удовольствия, наслаждения и восторга, хотя и подлиповцы не прочь время от времени о хлебе или других кушаньях слушать и фантазировать (п. 4):

А теперь хлеб там акой есть: белый, — чарский, бают. Все бы ел да ел, дорого только [...]. Какие тамо яблоки да арбузы [...] Баско!.. Сладко там! Пила и Сысоико слушали и губы облизывали [...]. А какие еще есть булки белые да мафонькие, крендели да штучки какие-то [...]. Так бы вот и съел все. Пила купил пекарскую булку. Эта булка так понравилась Пиле и Сысоике, что они ее в четыре приема съели [...]. Им хотелось еще побывать дальше и приискать себе такое место, где бы было хлеба много и можно было спать подольше. (Подлиповцы)

У подлиповцев, если опять же сопоставлять их с касриловцами, можно отметить, применительно к детям, весьма необычное, прямо противоположное, по сравнению с касриловцами, отношение к еде, в первую очередь хлебу, как к ценной вещи, к которой следует относиться с максимальной бережностью и экономностью, не допуская никакого, даже малейшего, расточительства и напрасной траты (п. 5). Именно таким расточительством, в представлении Матрены, считается необходимость кормить детей, которые никакой прибыли не приносят. В этой связи ей намного дороже корова, приносящая очевидную пользу, поскольку дающая молоко:

Матрена больше всего в своей жизни любила корову. Корова для нее была больше нежели дети: дети ей ничего не давали, а корова снабжала всю семью молоком и летом не просила есть, а питалась в лесу, сама нахо-

дила пищу для себя ... Когда была жива Апроська, Матрене было все равно, что есть у нее дочь; не будь дочери, Матрене было бы тоже все равно; есть человек — ладно, а впрочем, пожалуй, и не надо бы: хлеб лишний идет. (*Подлиповцы*)

В тяжелой и в то же время мрачной повседневности Российской Империи нередко приходилось подлиповцам бороться за выживание, прибегая к воровству и насилию. Хлеб, таким образом, являлся не только тем, что обеспечивало это самое выживание, но и своеобразным трофеем, добычей, доказательством и подтверждением умения справляться с неблагоприятными условиями быта (п. 6).

— А тятька-то вор: гли, сколь хлеба украл [...]. Пила даже радовался, что ребята его умеют драться, и всегда отнимал у них хлеб с бою, причем, конечно, ребятам больно доставалось. (*Подлиповцы*)

Символико-метафорический характер хлеба проявляет себя и в том, что он означает работу, а также получаемые за нее деньги (п. 7). Примечательно, что в таких значениях лексема хлеб функционировала не только в русском языке XIX века (ср. у Владимира Даля «всѣ вообще насущныя, житейскія потребности. Дать кому хлѣбъ обезпечить доходъ»³⁰), но также и в современном (хлеб — «средства к существованию»³¹):

[...] Только жалко им было своих семейств, но что же делать: баб бурлачить не берут, а сыновья еще маленькие. «Пусть сами идут добывать хлеб», — говорили они. (*Подлиповцы*)

Если для евреев Касриловки еда и ее потребление являются обязательной и регламентированной частью религиозного праздника, духовной молитвой уст, то для подлиповцев, а с ними и бурлаков, привыкших к голоду и недостатку, питающихся, чем попало, когда попало и как попало, еда сама по себе, не важно какая, — это праздник и торжество, отмечающие также и перерыв в изнурительном, тяжком труде. Важно только, чтобы она была, и чем больше, тем лучше:

На пристанях бурлаки отыхали: этот отых был для них каким-то праздником. Накушавшись хлеба, доставши сластей, они дружно ели кучками и ели очень много, так много, что другой крестьянин не съест столько: возьмет пленку луку, съест, — мало, еще съест; возьмет огурцы, съест, у другого попросит; нальет из котла щей в большую деревянную чашку,

³⁰ В.И. Даль, *Толковый словарь живаго великорусскаго языка...*, с. 552.

³¹ Большой толковый словарь русского языка, С.А. Кузнецов (ред.), Норинт, Санкт-Петербург 2000, с. 1444.

накрошил в нее хлеба, водицы речной подольет и хлебает огромной бурлаккой ложкой [...]. На барках точно праздник под вечер: все сидят кучками; одни хлебают щи, другие едят колодку судака, третьи хлебают вареное прокислое молоко. Перед каждым лежит коврига хлеба. (*Подлиповцы*)

В контексте фрагмента необходимо подчеркнуть также совместность подобного, не слишком разборчивого, поглощения всего, что имеется, коллективного, по словам Машизи Д. Маддахи, потребления пищи (хотя в отвлечении от какого бы то ни было, будь то православного, будь то мусульманского, праздника), которое, вместе с тем, являет себя одновременно как способ установления межличностных взаимосвязей. Как известно, у очень многих народов (трудно было бы говорить, что у всех, впрочем, это отдельная исследовательская, и к тому же этнографическая, проблема) предложение еды и питья равнозначно предложению приязни и дружбы, а принятие этого предложения, в свою очередь, равнозначно подтверждению и принятию проявленных чувств³².

В связи со сказанным хлеб становится, может становиться нередко, средством проявления чувства сопереживания, страдания, сочувствия и милосердия (п. 8) оказавшемуся в неблагоприятном жизненном положении собрату. Хлебом и едой в разбираемых текстах делятся все — и касриловские евреи, и даже подлиповцы, и встреченные ими в пути крестьяне, и бурлаки. Милостыни, подаяния, подачки осуществляются и находят свое выражение в хлебе. Для сравнения в Касриловке:

[...] а нет у него хлеба с луком, он займет у соседа; в следующую субботу сосед займет у него [...] (*Город маленьких людей*)

И в Подлипной:

И вот Сысойко помогал в чем-нибудь Пиле, то есть вместе с ним искал лекарственную траву, ездил по нужде в село и в город, за что и пользовался от Пилы подачками хлебом и мясом [...]. Говорят они друг другу об своих нуждах; сообщают свои понятия о том, что их интересует; едят вместе в домах, где их квартиры; делят пополам хлеб и вместе спят, где придется [...]. Если у бедного и больного человека нет хлеба, другой товарищ сжалится над ним, отдаст ему излишек, надеясь сам добыть хлеба хоть милостинкой, да и товарищу хорошо от этого: ведь и он может быть без хлеба и ему при случае поможет его товарищ [...]. Пила и Сысойко так свыклились с своими товарищами, что постоянно ходили с ними, ели и спали на одной квартире. С своей стороны, и те не отставали от них, и если у кого-нибудь не было хлеба, то другой товарищ уделял свой излишек бедному [...]. Ребята ушли

³² См. для примера: Д.М. Маддахи, *Еда как символ дружбы и социальных связей в исламской культуре*, «Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства» 2013, № 2, с. 158–161.

собирать милостинку и через час пришли с семьёй кусками хлеба: в руках у них было двенадцать грошиков. (*Подлиповцы*)

Еда, как известно, наподобие музыке, смягчает нравы, снимает разногласия и споры, объединяя всех за общим, совместным едением хлеба:

Зато все едят дружно, не сердятся, не завидуют, как будто все родные братья. (*Подлиповцы*)

Существенная, если не прямо ведущая, позиция хлеба прослеживается и в том, что он является одним из основных объектов торговли и товарообмена (п. 9), считаясь предметом первой необходимости, покупаемым не только для текущих потребностей, но и про запас:

Соликамские жители всегда закупают в Усолье хлеб и другие необходимые вещи [...]. Подлиповцев и прочих бурлаков сосчитали, поверили и выдали им по десяти копеек денег. Купили они хлеба, надели новые лапти [...] и стали работать [...]. Бурлаки получили по полтора рубля денег, ходят по заводу, покупают хлеба, мяса, больше луку свежего [...]. Вечером, накупивши в заводе хлеба и лаптей, все бурлаки загуляли — пропили свои трудовые деньги [...]. До Камы барки плывли восемь дней. Ночью приставали где попало. Приставали и днем около селений, в которых закупали хлеба [...]. Бурлаки запасаются хлебом, наполняют кабачки; жители навязывают им разные сласти — мясо, брюшину, яйца, лук, огурцы и т.п. (*Подлиповцы*)

Достаточно обратить внимание на то, как часто используется слово хлеб в приведенном фрагменте. Хлеб крайне важен, без него никак, он на первом месте. Все остальное (мясо, брюшина, яйца, лук, огурцы и т.п.) называется *слости*, т.е. это излишество и как бы уже не совсем еда, дополнение, без которого можно и обойтись. Представить то, насколько важен хлеб в повседневной жизни подлиповцев и бурлаков, позволяет число ему соответствующих лексических использований. Слово хлеб, наряду с ласкательной формой *хлебушко*, встречается в повести целых 113 раз.

В предварительном, для данной, как первой, статьи, заключении (с учетом предполагаемых последующих) можно отметить, в первую очередь, функциональную многоаспектность пищи, еды и продуктов питания у выбранных для сопоставления авторов. Хлеб, еда и процессы принятия пищи имеют существенную характеризующую нагрузку, прямо и непосредственно отображая условия проживаемой персонажами жизни, действительности, в которой они находятся, взаимоотношения, как семейные, так и социальные, их мечты и желания,

сны и пристрастия, заботы, работы и поиски, а также болезни, а с ними и смерти.

Физиологическая по виду функция утоления голода и источник энергии (у подлиповцев, в первую очередь) находит свое выражение в последующих, более важных и значимых, становясь показателем таких, как социальная, психологическая, контактная, коммуникативная функции, будучи средством и способом установления, завязывания и реализации межчеловеческих связей и отношений, через совместное приобщение к пище, умение либо неумение, желание либо нежелание делиться ею. Показателем внутренних, эмоциональных, психических состояний и переживаний в их компенсаторной (у подлиповцев и касриловцев, но по-разному), а также культурной и религиозной, регламентируемой (у касриловцев) обусловленности. Особенно показательно себя объявляет еда, в первую очередь хлеб (у подлиповцев), в сенситивной функции источника удовольствия, радости, как физической, так и эмоциональной, в мрачном и тяжком мире Российской империи. Обо всем остальном, как в этой, так и не только в этой, связи предполагается речь повести в последующем.